

Наталья Марцинкевич

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

КОНЦЕПТ СУДЬБЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. БЛОКА

Судьба является фундаментальным свойством человеческой жизни, одним из важнейших экзистенциалов, как смерть или страх. В XX в. древние философско-мифологические взгляды на судьбу были дополнены представлениями философии жизни, экзистенциализма, психоанализа, постфилософии. На рубеже XIX – XX вв. судьба становится узловой темой культуры. Во многом актуализации темы судьбы способствовали апокалиптичность и эсхатологичность порубежной эпохи, ведь судьба – обязательная составляющая любого дискурса о будущем. Представления о гибели, кризисе мира и культуры порождали тексты пророческого типа, наполненные предчувствиями (*неотступным чувством катастрофы* [Блок, 1962, 350]), пророчествами, апокалиптическими предзнаменованиями, различными проектами будущего. К такому типу текстов относятся стихотворения Блока «Девушка пела в церковном хоре...», «Голос из хора», поэма «Скифы», статьи «Народ и интеллигенция», «Стихия и культура». В этой работе мы попытаемся прояснить, как Блок сам воспринимает судьбу, и каким образом судьба оказывает влияние на образный состав его *лирической трилогии*.

Блок обращался к теме и образу судьбы в стихотворениях самого разного времени («Гамаюн, птица вещая», 1899; «Старуха гадала у входа...», 1903; «Все бежит, мы пребываем...», 1904; «Угар», 1906; «Нет исхода», 1907; «К музе», 1912; «Как свершилось, как случилось?...», 1912; «Шаги Командора», 1910-1912 и мн. др.), поэме «Возмездие» (1910-1921), статьях, переписке, записных книжках и дневниках. В апреле 1917 г. Блок, начиная очередную записную книжку, записывает: *Я не имею ясного взгляда на происходящее, тогда как волею судьбы я поставлен свидетелем великой эпохи. Волею судьбы (не своей слабой волей) я художник, т.е. свидетель* [Блок, 1965, 316]. Всплеск размышлений Блока о судьбе приходится на 1908 г. Именно в это время Блоком написаны произведения, в которых непосредственно затрагивается тема судьбы: драматическая поэма «Песня Судьбы», статьи «О театре», «Генрик Ибсен», стихотворения цикла «На поле Куликовом». В 1908 г. Блок перевел «Семь принцесс», «Алладину и Паломиду» М. Метерлинка, «Праматерь» Ф. Грильпарцера – пьесы, в которых речь идет о власти рока. Для Блока 1908 г. – время семейного кризиса, напряженной общественной

работы, *возвращения* Вл. Соловьева (VIII, 231), увлечения хлыстовством, философией Ницше. В 1908 г. выходит третий сборник стихов «Земля в снегу», один из циклов которого назывался «Песня Судьбы» и открывался стихотворением «Судьба» (первоначальное название стихотворения «Зачатый в ночь, я в ночь рожден...», 1907). В предисловии к сборнику Блок размышляет об этапах своего творческого и жизненного пути, и закономерно в такого рода тексте появляется образ судьбы. Судьбу Блок сравнивает с *цирковой наездницей* и *цыганкой* (II, 373). Если образ цыганки традиционен и прямо отсылает к ритуалам мантики – различным способам гадания о судьбе, то авторский образ цирковой наездницы требует пояснений. Судьба-всадница – редкая персонификация, встречающаяся в германо-скандинавской мифологии, где крылатые девы-всадницы – Валькирии, первоначально помощницы Одина во время дикой охоты – олицетворяют судьбу и смерть. Судьба – древнейший аналог смерти, метафорически смягченное выражение смертной неизбежности, неизвестности и неотвратимости. Возможно, ассоциация с воинственными всадницами должна была оттенить трагичность образа: герой Блока – не благородный воин, павший в бою, а *жалкий клоун*; да и сама Судьба – не бессмертная дева неземной красоты, а *пленительная мещанка в ажурных чулках с голубыми стрелками* (II, 373). Ее глаза сияют бессмысленно, свою жертву она бьет случайно: <...> Судьба <...> *хлестнула невзначай извилистым бичом жалкого клоуна <...>, хлестнула прямо в белый блин лица* (II, 373). В образе Судьбы цирковой наездницы выражена сверхчеловеческая монструозная (здесь – женственно-звериная) иррациональная природа самой судьбы, ее властность и сила, а также слабость и безвольность того, кем она правит. Так же, как и помощницы Одина, блоковская Судьба яростна, это судьба-страсть, судьба-смерть. Важно, что Блок называет Судьбу именно цирковой наездницей. Движение по цирковой арене – это движение по замкнутой круговой траектории, связанное с неизбежностью, предопределением и повторением. Определение наездницы «цирковая» указывает на игровую модель судьбы – Судьбу Играющую [Арутюнова, 1994, 310-313]. В творчестве Блока реализовано несколько известных моделей судьбы – это 1) судьба как доля; 2) игровая модель с судьбой-шутницей и героем-игроком (шутком, клоуном); 3) театральная модель, в которой герой-избранник стремится к идеальной цели, а судьба подает ему знаки; 4) жизнь-служение с понятиями зова («песни судьбы»), призвания и чувством долга ответившего на призыв; 5) судьба как делящийся суд, где важны понятия верности / неверности призванию и возмездия. На разных этапах творчества

доминирующими становятся элементы той или иной модели. В 1907-1908 гг., когда Блок много размышляет о драме и театре, на первый план выходят игровая и театральная модели судьбы.

В разное время Блок обращался к различным игровым, театральным моделям: драматический театр, опера, оперетта, цирк, кинематограф, а также балаган и театр марионеток, где зависимость от судьбы становится очевидной – куклами играет некая невидимая высшая сила, и нити судьбы перестают быть только фигурой речи. В марте 1908 г., одновременно с предисловием к «Земле в снегу», Блок пишет статью-лекцию «О театре», в которой образ судьбы приобретает дополнительные смысловые оттенки: *Зрительный зал театра должен быть воплощением самой Судьбы, которая беспощадно бьет тонким и язвительным бичом за каждый фальшивый шаг и зато уж – благословляет и щедро одаряет за каждый живой и смелый поступок. Лишь тогда, когда за наши рампы перестанет глядеть тысячью очей пресыщенная, самомнительная, развлекающаяся толпа, лишь тогда мы почувствуем ответственность, получим возможность руководиться сознанием долга. <...> Не сегодня-завтра постучится в двери наших театров уже не эта пресыщенная толпа современной интеллигенции, а новая, живая, требовательная, дерзкая. Будем готовы встретить эту юность. Она разрешит наши противоречия, она снимет груз с усталых плеч, окрылит или погубит. И мы вовеки не забудем пророческих слов великого строителя Сольнеса, проникнутых веющим, грозovým трепетом: Юность – это возмездие (V, 275, 276). Блок прибегает к формуле *юность – это возмездие*, заимствованной им из драмы Ибсена «Строитель Сольнес». Блок неоднократно возвращался к этой мысли (III, 295; V, 276, 460), а в статье «Генрик Ибсен» называет ее *одной из мировых истин, равных по значению, быть может, закону всемирного тяготения* (V, 317). Блоковская отсылка к Ибсену важна не только из-за слов Сольнеса, но еще и потому, что «современные» аналитические пьесы Ибсена восходят к античной драме, их композицию сравнивают с композицией «Царя Эдипа» Софокла. На размышления Блока о будущем народном театре *большого действия и сильных страстей* оказал влияние трактат Ницше «Рождение трагедии», в котором древнегреческая трагедия представлена как синтез аполлонического и дионисийского начал. В записной книжке Блока за декабрь 1906 г. есть выписки из трактата Ницше, в том числе рассуждения о *пессимистическом мирозерцании* и мистерийной природе греческой трагедии, хоре как идеальном зрителе [Блок, 1965, 80-83]. Актер в античной трагедии играл перед лицом бога Диониса с максимальным напряжением всех духовных и физических сил, хор был выражением дионисийской стихии, а герой всегда терпел*

поражение. В 1920 г. М.Ф. Андреева предложила Большому драматическому театру взять девиз *Человек, победитель рока*. В связи с этим Блок замечает: *Театр Востока этим девизом от нас закрывается. Античный театр не говорил о победе над роком, а только о борьбе с ним иногда. Христианский театр был, по словам Вагнера, чаще криком боли освобождающегося человека, чем криком радости* и далее цитирует строки Тютчева *Мужайтесь, о други* (VI, 476-477).

У Блока судьба воздействует силой – ударом бича. «Удар бича» – это 1) отметина, знак самой судьбы, свидетельство избранничества героя; 2) наказание, возмездие; 3) полученный извне удар, который искривляет, деформирует изначальную траекторию пути и вынуждает слабого человека пасть, отклониться (*Наказанье ли ждет, иль награда, / Если я уклонюсь от пути?* III, 242). Такой удар может быть понят и как соблазн, т. к. само слово ‘соблазн’ этимологически связано с ‘ударом’ и ‘бичом’ [Фасмер, 1996, 703]. В стихотворении «Песня Фаины» (1907) и такой же песне, но уже с названием «Песня Судьбы» из одноименной драмы удар бича исходит от женщины-змеи: *Когда гляжу в глаза твои / Глазами узкими змеи /.../ Я вся – змея! /.../ Свисти, мой тонкий бич!* (II, 284; IV, 127-129), далее в драме следует ремарка, где сама Фаина уподобляется бичу: *Фаина выпрямляется и вся становится тонкой и высокой, как бич, стиснутый в ее пальцах. <...> Взвившийся бич сухим плеском бьет его по лицу, оставляя на щеке красную полосу* (IV, 129-130). *Язвительный бич* воздействует как язык пламени, его траектория – извивание, воздействие – ожог. Следует обратить внимание и на технологию изготовления бича. Бич – это длинная плеть, кнут из мелко свитых веревок, ремней. Так в образе бича соединяются огонь и нить – специфические атрибуты судьбы. Судьба и есть нить, которую плетут богини судьбы – традиционно пряжи или ткачихи. При этом у Блока акцент делается не на длине, а на текстуре нити – кривизне, изломах, узлах: *Все бежит, мы пребываем, / Вервий ночи вьем концы, / Заплетаем, расплетаем / Белых ландышей венцы* (II, 44); *Заплетаем, расплетаем / Нити дьявольской Судьбы, /... (II, 112); В хаосе природы, среди повсюду протянутых нитей, которые прядут девы-Судьбы, нужно быть поминутно настороже <...>* (V, 38). Блок называет Фаину *раскольницей с демоническим* [Блок, 1965, 103], где демоническое может быть понято и как определение падшего ангела, и как указание на страшную роковую силу. Фаина хлестнула Германа по лицу бичом, и на его щеке остался красный след, подобный ожогу. В стихотворении ретроспективного плана «Как свершилось, как случилось?..» Блок снова прибегает к образу ожога: *Не таюсь я перед вами, / Посмотрите на меня: / Я стою среди пожарниц, / Обожженный языками / Преисподнего огня* (III, 84). По

Блоку, спуск в *страшный мир* – подземный мир Матерей – неизбежная часть пути и необходимое условие для обретения дара. О.М. Фрейденберг указывает на то, что *все мифические прорицатели получают свой дар, побывав в преисподней* [Фрейденберг, 1997, 133-134].

Чаще всего судьба у Блока персонифицирована, она воплощается в антропоморфных, зооморфных (лошадь, птица, змея) и других биоморфных образах. По преимуществу блоковские образы, прямо или косвенно указывающие на судьбу, имеют женственную природу. Помимо уже названных, это девы-Судьбы, Сфинкс, птица Гамаюн, ведьмы *пузыри земли*, Дева-Беда с лебедиными крылами (III, 360), *королевна Ночная Фиалка, которая молчит и прядет* (II, 369). Источники этих образов – античная, кельтская, скандинавская мифология, русский фольклор, воспринятые Блоком из первоисточников или через посредство художественной литературы. У Блока есть образ, не связанный с женственным началом, и вместе с тем выражающий судьбу – это Командор из стихотворения «Шаги Командора». Он осуществляет возмездие Дон Жуану за измену и тем самым является орудием Судьбы Правосудной. У Блока встречаются и самые древние персонификации судьбы – демон и гений. Напр., Блок называет рок *гениальным духом* (V, 689). Вместе с тем демон у Блока зачастую приобретает женственные черты.

В мифологическом сознании судьба – сила, которая исходит от богов или даже властвует над самими богами. Как правило, в мифах судьба соотносилась с непостижимой и неумолимой Богиней-Прародительницей, Праматерью. У Блока над Судьбой цирковой наездницей стоит Россия, обладающая еще большей силой и властью: *Кто захочет больше – поверить, – пусть верит, что не победит и Судьба. Ибо в конце пути, исполненного падений, противоречий, горестных восторгов и ненужной тоски, расстилается одна вечная и бескрайняя равнина – изначальная родина, может быть, сама Россия* (II, 374). Ироничный образ Судьбы-наездницы и амбивалентный образ Фаины – каскадной певицы с бичом в руках – генетически связаны с бешено скачущей Россией-тройкой из статей «Народ и интеллигенция», «Вопросы, вопросы и вопросы» (обе – 1908) и неистойвой степной кобылицей из стихотворения «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...» (1908) цикла «На поле Куликовом». Судьба связана с матерью в ее позитивной (рождение) и негативной проекциях. Ткачество, прядение, плетение, свивание – характерные занятия богинь-судеб – в негативном аспекте становятся проявлениями несвободы и смерти: оковами, узами, сетями «страшной матери», не отпускающей от себя. В таких паучьих сетях, цепях, нитях жизнь воспринимается как *мушья суетня* [Белый, 1995, 488].

В *лирической трилогии*, которую Блок называет *романом в стихах* (I, 559), судьба является центральным действующим лицом и движущей силой. *Герой борется с судьбой* – основное содержание романа как жанра со времен античности [Фрейденберг, 1997, 247], и это утверждение справедливо как для «внешнего», так и для «внутреннего» романа. В философии жизни судьба понимается как изменение направления жизни, которое возникает в результате влияния каких-либо внешних или внутренних сил. В прямой связи с изменой и изменением находятся понятия начала и идеального события. Эта связь проявлена в чрезвычайно важной для Блока формуле *юность – это возмездие*: <...> *человек может достигнуть вершины славы, совершить много великих дел, может благодетельствовать человечество, но – горе ему, если на своем восходящем пути он изменит юности, или, как сказано в Новом завете, «оставит первую любовь свою». Неминуемо, в час урочный и роковой, постучится к нему в двери «Юность» – дерзкая и нежная Гильда в дорожной пыли* (V, 317). Юность – начало жизненного пути, время позитивных теофаний – знаков, знамений. В юности формируется идеал, в дальнейшем происходят неизбежные падения, и неотвратимо вступает в силу «закон возмездия» за измену идеалам юности: <...> *Когда запятнаны мечты / Не юной и не быстрой кровью, – / Тогда – ограблен ты и наг* <...> (III, 73); запись 1918 г.: <...> *Ночью я проснулся в ужасе* <...>. Но – за что же «возмездие»? В том числе за недосказанность, за полуюность, за медленную порчу. Кто желает понять, поймет лучше, вчитываясь во все подряд [Блок, 1965, 422]. Для Блока юность – это не только время откровения как идеального события, но и свойство божественного женственного Ты: *То Вечно-Юная прошла / В неозаренные туманы* (I, 53).

Развитие личности, мира и культуры представлено у Блока как спиралеобразный, т. е. линейно-нелинейный процесс, совмещающий траектории линии (направленное движение из-за стремления к Абсолюту) и круга (возвраты и падения), в результате циклизм и историзм сочетаются. В циклических системах, основанных на вечном возвращении, судьба доминирует. [Элиаде, 1998, 204, 214]. На рубеже XIX – XX вв. эллинистически-восточные циклические теории были вновь актуализированы и отразились в концепции «вечного возвращения» Ницше, которая в свою очередь оказала влияние на русский символизм. У Ницше концепция вечного возвращения и дионисизм проявились в любви к судьбе. У Блока нашли отражение схожие взгляды на судьбу. Не случайно «Песня Судьбы» впервые появляется в цикле «Фаина» (1906-1908), отразившем увлечение Блока дионисийством. В 1910 г. в письме к А. Белому Блок заявляет о своей любви к «*гибели*» (*незнание о будущем, окруженность неизвестным, вера в*

судьбу и т.д. – свойства моей природы, более чем психологические) (VIII, 316-318). И Блок, и Ницше понимают судьбу как становление, «историю», принимая и *радость становления* и *радость уничтожения*. Блоковская концепция судьбы синтетична: в ней соединены элементы языческой и теистической моделей. Блок ощущал себя призванным, назначенным, воля судьбы открылась ему в откровении – голосе судьбы. Откровение и понятие Абсолюта – теистические элементы. Хотя у Блока и нет христиански-церковного понимания судьбы, блоковский герой неоднократно сравнивается с Христом (чаще – неканоническим), а история его жизни названа *трилогией вочеловечения* (VIII, 344). Религиозный термин «вочеловечение» применяется исключительно по отношению к Христу, в котором соединились божественная и человеческая природа ради служения человечеству и его спасения. В целом во взглядах Блока на судьбу преобладают дохристианские представления, воспринятые из античного наследия (мифы, Платон, древнегреческая трагедия), фольклора, романтизма. В частности, Блок неоднократно обращался к стихотворению Тютчева «Два голоса», в котором отражено романтическое, восходящее к античному, понимание судьбы как рока. Строки *Мужайтесь, други, боритесь прилежно, / Пусть бой и неравен – борьба безнадежна!* становятся лейтмотивом дневниковых записей Блока в ноябре – декабре 1911 г.: *Смысл трагедии – БЕЗНАДЕЖНОСТЬ борьбы; но тут нет отчаянья, вялости, опускания рук. Требуется высокое посвящение. <...> Что пока – я? Только – видел кое-что в снах и наяву, чего другие не видали* (VII, 89); *Мир во зле лежит. Всем, что в мире, играет судьба, случай; все, что встало выше мира, достойно управления богом. В стихотворении Тютчева – эллинское, до-христианское чувство Рока, трагическое. Есть и другая трагедия – христианская. Но, насколько обо всем, что дохристианское, можно говорить, потому что это наше, здешнее, сейчас, настолько о христовом, если что и ведаешь, лучше молчать <...>* (VII, 99). Последняя запись была сделана в связи с планом поэмы «Возмездие» и отразилась в строках *Жизнь – без начала и конца. / Нас всех подстерегает случай. / Над нами – сумрак неминуемый, / Иль ясность божьего лица* (III, 301).

Вся *лирическая трилогия* Блока есть описание судьбы героя. Однако в своих стихах, прозе, драматургии, переводах Блок затрагивает проблему не только личной судьбы, но и судьбы рода, народа, России, европейской культуры. Понятие судьбы связано у Блока с комплексом идей пути-становления, цели, избрания, призвания и предназначения, служения, долга, верности и измены, вины и возмездия. Из многочисленных версий интерпретации судьбы Блоку ближе понятие рока, в котором с особенной силой проявляются характерные свойства

судьбы: неотвратимость, необходимость, необъяснимая сила, связь 1) со временем, его ритмом; 2) речью: божественный / демонический «голос судьбы», предсказание, пророчество, «зов» и далее – музыкальные образы: *песня судьбы, арфы / скрипки, мазурка / пехота*. При понимании судьбы как рока «автором судьбы» оказывается не сам человек, а некая внешняя сила. Внешней детерминантой в поэтической системе Блока является женственная «Она». Это женственный божественный / демонический объект, корни которого находятся в подсознании героя, в культуре ему соответствуют античные мойры, парки, скандинавские норны и Валькирии, славянские девы-Судьбы. «Она» формирует мир, выступает как сила притяжения, деформации. Блоковский герой сознательно исполняет волю судьбы, он тот, кто служит, тот, кто призван, и отношение его к жизни может быть определено как героический фатализм.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1994: Арутюнова Н. Д. Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
- Белый 1995: Белый А. Выступления на LXXXIII открытом заседании Вольной философской ассоциации // Собр. соч. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С.475-500.
- Блок 1962: Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М., Л., 1960-1965. Т.5. Далее тексты Блока цитируются по данному изданию с указанием тома и страницы в круглых скобках.
- Блок 1965: Блок А. А. Записные книжки. 1901 – 1920. М., 1965
- Фасмер 1996: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб., 1996. Т.3.
- Фрейденберг 1997: Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.
- Элиаде 1998: Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. СПб, 1998.

Summary

CONCEPT OF FATE IN A. BLOK'S CREATIVE WORKS

In this article fate is observed as a cultural universalium of subject-objective line, the connection of Blok's image of fate is found with the notion of death, mythological and religious ideas. In Blok's creative works fate is understood as doom, it is the realization of divine feminine element and is correlated with a complex of themes and ideas of way-becoming, aim, selection, vocation and intention, service, duty, faithfulness and betrayal, guilt and vengeance.